

ПОЭЗИЯ

К 75-летию со дня рождения В. И. Фирсова (1937–2011)

В ноябре прошлого года после тяжёлой болезни на 75-м году жизни скончался известный поэт Владимир Иванович ФИРСОВ.

Его благословил на служение русской поэзии Александр Твардовский. Высочайшую оценку его стихам дал Михаил Шолохов. В 1977 году, тридцать пять лет тому назад он написал:

“Не так-то много у нас хороших поэтов, но и среди них найдётся всего лишь несколько человек, говорящих о России таким приглушённо интимным и любящим голосом, который волнует и запоминается надолго. Владимир Фирсов принадлежит к этим немногим избранным”.

Фирсов был из опалённого войной поколения — и сумел выразить в своих стихах суровую и жестокую правду о небывалом всенародном бедствии и о радости нашей Победы. Полною мерой хлебнув послевоенной голодухи и бедности, он навсегда полюбил свою исстрадавшуюся Смоленщину — и всю матушку-Россию, быстро залечившую глубокие раны военного лихолетья и взлетевшую к звёздам. Духовный брат и земляк Юрия Гагарина, Владимир Фирсов был настоящим лириком и подлинным патриотом России.

В этой юбилейной подборке редакция предлагает вниманию читателей стихи поэта, написанные в разные годы.

ВЛАДИМИР ФИРСОВ

ЗА РАДУГУ ДЕРЖАСЬ, КАК ЗА ПЕРИЛА

* * *

Когда умру, —
А я, как все, умру! —
Не плачьте, ради Бога, не рыдайте.
Сырой землёй могилу закидайте
И волю дайте яркому костру.

Пускай горит меж сосен и берёз
И, как стихов свободные созвучья,
Пусть весело потрескивают сучья,
Пусть вместо слёз дрожат росинки звёзд!

Под белизной берёзовых стволов
Костром гудящим ярко обогреты,
Друзья мои, товарищи, поэты,
Я об одном прошу: не надо слёз!

Оставьте их красивым и живым.
И лучше спойте что-нибудь такое,
Чтоб выпрямились ивы над рекою,
Чтоб ветерком пахнуло заревым,

Чтоб слышала отцовская земля,
Что живы песни нашего народа,
Что им мужать, им крепнуть год от года
И жить, как прежде, душу веселя.

Чтоб вы дружнее стали с песней той,
Друзья мои, товарищи, поэты!
Чтобы, костром прощальным обогреты,
Смелее шли на бой с неправотой.

Чтоб вы друг друга крепче берегли,
Беды и одиночества не зная,
Чтоб верили друг другу,
Понимая,
Что есть на свете недруги земли.

За рубежом моей страны сейчас,
Всю ненависть сплотивши воедино,
Они клеветуют, сталкивают нас,
Чтоб мы на мир глядели нелюдимо,

Чтоб ссорились, как ссорились князья
Когда-то в дни нашествия Батя,
Чтоб гибли наши души золотые,
Друзья мои, хорошие друзья!..

Когда умру, —
А я, как все, умру! —
Не плачьте, ради Бога, не рыдайте.
Сырой землёй могилу закидайте
И волю дайте яркому костру!

* * *

*И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.*

А. С. Пушкин

Мне не являлся Серафим.
Но шелест крыл его я слышал,
Когда он пролетал над крышей,
Над домом дедовским моим.

Когда вечерняя заря
Ждала рождения рассвета

И, как в глубинах янтаря,
Струились и зима и лето.

Струился дальний свет небес,
Покров Всевышнего струился,
И сиротливый зимний лес
Ещё родней мне становился.

Родней — озябшая земля,
Милей — знакомая дорога.
И след саней через поля
Казался мне дорогой к Богу.

* * *

Я считаю себя счастливым,
Что родился в конце апреля
В неказистой, обычной хате
Под весёлый крик петухов.
Говорят, в этот день весенний
Растворили пошире окна,
Чтобы помнил я с колыбели
Эту землю, где родился.
Только я почему-то плакал...
Наливали в стаканы водку,
Наливали полней стакан,
Чтобы счастьем был полон дом.
Пели песни о горе горьком,
О весёлой и бойкой тройке.
Я на маму смотрел и плакал,
А потом, говорят, уснул...
Я родился в конце апреля
В неказистой, обычной хате.
С колыбели запомнив песни,
Я пою их и до сих пор.
Я увидел родную землю,
Я запомнил людей хороших,
Я ребёнком своё отплакал,
Чтоб сегодня не плакать зря!

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. К. Коваленкова

Я помню сожжённые сёла
И после победного дня
Пустую, холодную школу,
Где четверо, кроме меня.

Где нам однорукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню поношенный китель
И пятна — следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно левой рукою
Слова выводил на доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами учился
Умению ровно писать.

Ему мы во всё подражали —
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

Дымок от землянок лучился
Жестокой печалью земли.
— Любите, ребята, Отчизну,
Её мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу —
Лежал в нём
Мой первый учитель
В некрашеном, светлом гробу.

Ушёл, говорили, до срока,
Все беды теперь позади.
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землёй закидали.
И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
— Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель!
Не вправе
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе —
Ты с нами идёшь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нёс ты на светлом челе!

ОСЕННЕЕ

М. Алексееву

Земля моя с поблёкшею травой,
Пронизанная болью журавлиной,
Вся в седине
И в посвисте былинном,
Позволь сказать, что я навеки твой.

Ты промолчишь, хотя ответят мне
Синичий голос, в тишине звучащий,
Рассветные рябиновые чащи,
Что вновь затосковали по весне.

Ты промолчишь, привыкшая молчать
Всегда, когда тебе в любви клянутся.
И стоит мне тебя рукой коснуться,
Ты всё простишь, привыкшая прощать...

Летит к ногам последняя листва.
В лесу легко наедине с землёю,
Земля моя... Она во всём права,
И даже в том, что я чего-то стою!

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Валентину Новикову

Пусть от Москвы
До отчего порога
Немало звёзд, немало лунных вёрст!

Горит звезда,
Каких на свете много,
Но мне она милее всяких звёзд.

Она одна — звезда над лунной рожью
В туманами просвеченной дали,
Звезда полей!
Она неосторожно
Бредёт себе по краешку земли.
Бредёт себе,
Касается колосьев,
Дрожит
В кустах прибрежных ивняка, —
Над ней скрипят тележные колёса, —
Моя звезда, она невысока!

И всё-таки она — моя!
До боли
Моя, родная — до скончанья дней —
Звезда полей над материнским полем,
Над тихой Смоленщиной моей...

И в час,
Когда мне горько и обидно,
Когда иные звёзды надо мной,
Когда моей звезды

В Москве не видно, —
Я всё же доверяюсь ей одной.

И пусть она далёкая такая,
Пусть не у всех сияет на виду,
Я к ней иду, в потёмках спотыкаясь,
И ей одной
Несу свою беду.

ЗАПАХ СОЛНЦА

Неохотно листва опадала.
Становилось просторно, светло.
Заревые кусты краснотала
Отразило речное стекло.

Пахла солнцем листва золотая,
Опадая над нашей тропой.
А заря, угасая и тая,
Тихо солнце несла над собой.

Пахло солнце лугами, стогами,
Золотинкой на крыльях шмеля,
Всем хорошим, что было меж нами,
Невозвратная радость моя...

Пахло солнцем листвою прощальной,
Каждый лучик травинкой пропах.
Пахло солнце земною печалью,
Теплотой на девичьих губах.

Ты молчала, взгрустнув над рекою.
Улыбнулась доверчиво мне.
Наяву, а как будто во сне.
Пахло солнце осенней тоскою
По ещё не ушедшей весне.

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

Детям моим и внукам посвящаяю

Опять озвучены осины,
Кусты черёмух и ручьи.
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

Они поют не по привычке,
Не по нужде, в конце концов!
Их песня —
Это перекличка
Домой вернувшихся певцов.

— Я тут! Я тут! —
Один выводит.
— И я! И я! И я! И я!.. —
А сколько горестных мелодий
В обычной песне соловья!

В ней боль за тех, кто не осилил
Дорогу в отчие края...
Вот почему всегда в России
С тревогой ждали соловья.

Нелёгко путь к ольхе знакомой,
К раките старой и к реке...
Бывало, выйдет дед из дома
В косоворотке, налегке.

И в сапогах, что в праздник даже
И то не всякий раз носил.
И замирает, как на страже,
Тревожно вслушиваясь в синь.

Он слышит, как роняют почки
Едва-едва приметный звон.
И бабка рядом с ним —
В платочке
Далёких свадебных времён.

Дед напряжён. Почти не дышит.
Не видит неба и земли.
Он только чутким ухом слышит,
Как соловьи бурлят вдали.

И вдруг поблизости,
Невольно,
Как бы случайно:
“Чок” да “чок”.
И усмехнулся дед, довольный,
И тронул бабку за бочок.

— Гляди-ка, наш-то отозвался,
Выходит, перезимовал... —
А соловей вовсю старался,
Не слыша искренних похвал.

Он пел. И с этой песней древней,
Такой знакомой и родной,
Сливались поле, лес, деревня,
Уже живущие весной.

Пел соловей светло, знакомо.
И дед негромко, не спеша
Сказал:
— Ну вот, теперь, кажись, все дома,
Кажись, оттаяла душа...

Он шёл деревней вдоль дороги,
Был крепок шаг, но не тяжёл.
И бабка маялась в тревоге:
— Кабы до девок не пошёл.

Сидела старая у дома,
К сухим глазам прижав ладонь.
А дед принёс огонь черёмух,
Пускай не яркий, но — огонь.

И в мире не было милее
Той соловьиной высоты.

И старая, от счастья млея,
Уткнулась в мокрые цветы.

Всё было так и не иначе.
В тиши тонули голоса:
— Да ты, никак, старуха, плачешь?
— Да что ты, старый, то ж роса...

Дремали на коленях руки.
И сладко думалось о том,
Что вот и дети есть, и внуки,
И соловей вернулся в дом.

Но всё не вечно в мире этом,
Что говорить, закон таков.
Роса с черёмуховых веток
Оплакивает стариков.

Но вновь озвучены осины,
Кусты черёмух и ручьи.
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

И мы — в который раз! — с любимой
Уходим с дедова крыльца,
Чтоб в мире голубого дыма
Услышать прежнего певца.

(Он так, бывало, рассыпался!
Аж закипал черёмух вал.)

Но соловей
Не отозвался.

Видать, не перезимовал.

* * *

Дождь уходящий
Радуга затмила...
Вот так и я,
Не скрыв души печаль,
За радугу держась,
Как за перила,
Уйду в никем не ведомую даль.

Когда уйду? —
Известно только Богу.
Куда уйду? —
Известно лишь Ему.

Не дай мне, Боже,
Только ту дорогу,
Что не нужна
Ни сердцу, ни уму.